

Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на уголовно-процессуальное законодательство и практику

К. В. Барановский, А. В. Безруков, А. Г. Калугин

Активная деятельность законодательных органов и судов обогащает структуру и увеличивает число источников российского права, среди которых наиболее заметными становятся решения Конституционного Суда РФ, содержащие правовые позиции по различным вопросам права. Поэтому важно определить понятие «правовая позиция», систематизировать правовые позиции по вопросам уголовного судопроизводства и оценить их влияние на уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительную практику.

В тексте Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» лишь единожды употреблено понятие правовой позиции — в ст. 73, где

Барановский Константин Викторович — старший следователь по особо важным делам ГСУ при ГУВД Красноярского края;

Безруков Андрей Викторович — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Калугин Алексей Геннадьевич — начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

предусмотрено вынесение вопроса на пленарное заседание Суда в случае изменения его правовой позиции. Между понятиями «правовая позиция» и «решение» Суда существуют различия: первое входит в содержание второго¹, правовая позиция является частью решения; правовые позиции содержатся как в резолютивной, так и в мотивировочной части решения Конституционного Суда РФ².

В науке высказываются различные мнения относительно природы правовых позиций. Л. В. Лазарев определяет правовую позицию Конституционного Суда РФ как содержащуюся в его решениях *интер-*

¹ Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как источник конституционного права // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: Сб. докладов. М., 1999. С. 116—117; Конституционный судебный процесс / Отв. ред. М. С. Саликов. М., 2003. С. 176.

² Определение Конституционного Суда РФ от 1 апреля 2004 г. № 77-О по ходатайству Министра юстиции Российской Федерации об официальном разъяснении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2003 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Вестник КС РФ. № 5, 2004.

претацию конституционно-правовых принципов и норм, которая становится системой правовых аргументов, лежащих в основе решения. Он исходит из того, что правовые позиции являются результатом судебного истолкования, правовым основанием итогового решения Суда, имеют общий и обязательный характер³. В. А. Кряжков полагает, что правовые позиции — это логико-правовое обоснование конечного вывода Суда, содержащееся в постановляющей части его решения, сформулированное в виде общеобязательных правовых умозаключений, установок⁴.

Отмеченные подходы вызывают у нас некоторые возражения. Во-первых, правовые позиции формулируются Конституционным Судом РФ не только в ходе толкования конституционных норм, во-вторых, они содержатся не только в резолютивной, но зачастую и в описательной части решения, следовательно, они в комплексе служат его обоснованием.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал *общеобязательность и непосредственность действия* своих правовых позиций, основываясь на ст. 6, 79, 80 и 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁵. Между

тем названный Закон не дает однозначного ответа на вопрос об обязательности положений, содержащихся в мотивировочной части решения Конституционного Суда РФ. Сам Суд решил этот вопрос вполне определенно: «...правовые позиции, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие конституционный смысл закона, на которых основаны выводы Конституционного Суда Российской Федерации в резолютивной части его решений, *обязательны* (курсив — наш. Авт.) для всех государственных органов и должностных лиц»⁶. Поэтому наиболее полным представляется определение Н. В. Витрука: «Правовые позиции Конституционного Суда РФ — это правовые выводы и представления Суда как результат интерпретации (толкования) Судом духа и буквы Конституции РФ и истолкования им конституционного смысла (аспектов) положений отраслевых (действующих) законов и других нормативных актов в пределах его компетенции»⁷ (более верным было бы поставить слово «выводы» на первое место, ведь правильно замечено, что правовая позиция Суда зарождается еще в стадии подготовки дела к слушанию, а в дальнейшем конституционная проблема изучается и оценивается Судом, в результате чего формулируются выводы)⁸. Следова-

³ Лазарев Л. В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 8; *Он же*. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. С. 74—75.

⁴ Кряжков В. А. Конституционное правосудие в субъектах РФ (правовые основы и практика). М., 1999. С. 109.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» // СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3988.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 7 октября 1997 г. № 88-О о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 года по делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края // СЗ РФ. 1997. № 42. Ст. 4900.

⁷ Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1999. № 3. С. 95.

⁸ См.: Кажлаев С. А. Генезис правовых позиций Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 9—11.

тельно, правовые позиции Конституционного Суда РФ — это понимание и пути решения определенных конституционно-правовых проблем, отраженные в его решениях.

Анализ приведенных научных представлений позволяет говорить о ряде свойств, присущих правовым позициям Конституционного Суда РФ:

1) общий характер, т. е. распространение на все аналогичные случаи, имеющие место в правовой практике;

2) официальный, общеобязательный характер, поскольку правовые позиции излагаются в его решениях⁹.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, можно определить как *сформулированные им в результате интерпретации смысла положений нормативных актов и анализа сложившейся правоприменительной практики правовые установки и представления, определяющие выводы Суда, отраженные в его предписаниях в целях совершения уголовного судопроизводства и правоприменительной деятельности*.

Важно отметить, что отсутствие законодательной дефиниции правовой позиции Конституционного Суда РФ весьма опасно: это может привести к тому, что Суд в нарушение принципа разделения властей станет квазизаконодателем. В статье 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» указано: «Конституционный Суд Российской Федерации — судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства».

⁹ Пунтус С. А. Проверка конституционности законов по запросам судов: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

производства», кроме того, Конституцией РФ он отнесен к органам судебной власти, следовательно, его предназначение — вершить правосудие, рассматривая проблемы применения конкретных законов, обнаруживших в процессе их действия свою спорную конституционность.

Большинство правовых позиций содержится в итоговых решениях Конституционного Суда РФ, следовательно, вполне оправданно дифференцировать их на правовые позиции, содержащиеся в постановлениях по делам о толковании Конституции РФ; по делам о проверке конституционности правовых актов; по делам о разрешении споров о компетенции. Н. В. Витрук группирует правовые позиции по следующим критериям: по источнику разрешения конституционно-правовой проблемы; по характеру предмета правового регулирования; по сферам общественных отношений¹⁰. Г. А. Гаджиев различает материальные и процессуальные правовые позиции¹¹; последние содержатся, как правило, в «отказных» определениях Суда и приобретают в последнее время актуальность¹².

Представляет интерес рассмотрение двух относительно самостоятельных групп правовых позиций Конституционного Суда РФ: а) сформулированных при проверке конституционности норм УПК РСФСР и б) выработанных в результате уяснения содержания тех или иных положений действующего законодательства. На основе анализа первых можно определить, какие из них были восприняты законодателем и нашли отражение при создании

¹⁰ Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991—2001 гг.): Очерки теории и практики. М., 2001. С. 113.

¹¹ Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 110.

¹² Кряжкова О. Н. Процессуальные правовые позиции Конституционного Суда РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 6.

нового российского Уголовно-процессуального кодекса, рассмотрение вторых позволяет, с одной стороны, проследить стабильность и преемственность самих правовых позиций, с другой стороны — спрогнозировать тенденции совершенствования норм действующего законодательства.

Среди важнейших решений Конституционного Суда РФ, нашедших воплощение в нормах УПК РФ, следует, прежде всего, выделить ряд постановлений, связанных с реализацией принципов уголовного судопроизводства.

Так, полноценная реализация состязательных начал судебного разбирательства, заложенных в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, началась с постановления от 28 ноября 1996 г. № 19-П по делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР, в котором был наложен запрет на возбуждение уголовного дела судом. При этом было отмечено, что возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения перед судом является задачей специальных органов — дознания, предварительного следствия и прокуратуры, суд же обязан проверять результаты их деятельности, объективно и беспристрастно решая вопрос о законности и обоснованности выдвигаемых против лица обвинений, а также рассматривая жалобы на действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство на досудебных стадиях. Наделение суда в этом же процессе полномочиями возбуждать уголовное дело и формулировать по нему обвинение не согласуется с объективностью и беспристрастностью суда, который в качестве органа правосудия выносит приговор по делу¹³.

Данная правовая позиция нашла подтверждение в постановлении от 14 января 2000 г. № 1-П по делу о

проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в котором было указано, что наделение суда полномочиями по возбуждению уголовного дела не согласуется с конституционными положениями о независимом правосудии¹⁴.

Принципиальное значение для реализации принципа обеспечения обвиняемому права на защиту имело постановление от 27 марта 1996 г. № 8-П по делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне», в котором сформулирована позиция о том, что нормы, ограничивающие право обвиняемого на выбор адвоката по своему усмотрению, если у последнего отсутствует допуск к государственной тайне, ущемляют право на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированное ст. 48 Конституции РФ и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах¹⁵.

Вместе с тем в постановлении от 28 января 1997 г. № 2-П по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 УПК РСФСР Конституционный Суд РФ уточнил, что право на самостоятельный выбор защитника не предполагает участие в уголовном процессе любого лица; защитник должен обладать профессиональными навыками и отвечать ряду законодательно установленных критериев¹⁶, и указал, что представитель профессионального союза или другого общественного объединения, предъявивший соответствующий протокол, а также документ, удостоверяющий его личность, не может осуществлять защиту, так как в случае отсутствия у такого представителя юридичес-

¹⁴ Вестник КС РФ. 2000. № 2.

¹⁵ Вестник КС РФ. 1996. № 2.

¹⁶ Вестник КС РФ. 1997. № 1.

¹³ Вестник КС РФ. 1996. № 5.

кого образования каких-либо профессиональных знаний и опыта (которых закон не требует), ставится под сомнение сама возможность обеспечить обвиняемому (подозреваемому) право на получение квалифицированной юридической помощи в тех случаях, когда защитником на предварительном следствии является не адвокат, а представитель профсоюза или другого общественного объединения. Примечательно, что данная правовая позиция не отмечена в резолютивной части решения, так как заявители не ставили вопрос о допуске к защите представителя профсоюза. Тем не менее, при принятии УПК РФ представитель профессионального союза или другого общественного объединения был исключен из перечня лиц, могущих осуществлять защиту обвиняемого, что свидетельствует о непосредственном влиянии правовых позиций Конституционного Суда РФ на законодателя.

Нормам, связанным с обеспечением обвиняемому права на защиту, посвящено значительное число решений Конституционного Суда РФ. Так, постановлением от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР признана неконституционной ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР. Было подчеркнуто, что право иметь защитника возникает у лица с момента фактического задержания, а не с формального момента предъявления обвинения или составления протокола задержания, когда реализация права на защиту и права пользоваться помощью адвоката (защитника) ставится в зависимость от усмотрения этих органов. По мнению Суда, «...такое усмотрение открывает возможность для недопустимых произвольных властных действий в отношении лица, чьи конституционные права и свободы ограничиваются», что не только противоречит принципам свободы и личной неприкосновенно-

сти, но и умаляет достоинство личности как основу признания и уважения ее прав и свобод¹⁷.

Пожалуй, наиболее многочисленную группу решений, воспринятых законодателем в период разработки и последующего совершенствования УПК РФ, составили решения по вопросам реализации принципа свободы обжалования процессуальных решений.

В постановлении от 3 мая 1995 г. № 4-П по делу о проверке конституционности статей 220¹ и 220² УПК РСФСР признаны не соответствующими Конституции РФ нормы УПК РСФСР, ограничивающие круг лиц, имеющих право на судебное обжалование постановления о применении к ним в качестве меры пресечения заключения под стражу, только лицами, содержащимися под стражей, и связанное с ними положение ст. 220² УПК РСФСР о проверке законности и обоснованности применения заключения под стражу судом только по месту содержания лица под стражей¹⁸.

Важнейшее значение имело подтверждение Конституционным Судом РФ в постановлении от 13 ноября 1995 г. № 13-П по делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 УПК РСФСР принципиальной возможности судебного обжалования решений о прекращении уголовного дела.

В постановлении от 23 марта 1999 г. № 5-П по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР признаны не соответствующими Конституции РФ нормы ст. 218 и 220 прежнего УПК, которые исключали для заинтересованных лиц возможность судебного обжалования действий и решений правоохранительных органов в ходе предварительного следствия¹⁹.

¹⁷ Вестник КС РФ. 2000. № 5.

¹⁸ Вестник КС РФ. 1995. № 2—3.

¹⁹ Вестник КС РФ. 1999. № 4.

В постановлении от 2 февраля 1996 года № 4-П по делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 УПК РСФСР Конституционный Суд РФ признал не противоречащими Конституции РФ положения уголовно-процессуального закона, предусматривающие ограничения на пересмотр в порядке надзора постановлений Президиума Верховного Суда РФ, полагая, что они не исключают использование иных процессуальных средств исправления судебных ошибок; одновременно ст. 384 УПК РСФСР была признана неконституционной в части, ограничивающей круг оснований к возобновлению уголовного дела лишь обстоятельствами, «неизвестными суду при постановлении приговора», и в силу этого препятствовала исправлению судебных ошибок при исчерпании возможностей судебного надзора²⁰. Данная правовая позиция была учтена законодателем при разработке нового российского УПК: в п. 3 ч. 4 его ст. 413, регламентирующей основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, в качестве новых обстоятельств указаны «иные новые обстоятельства» (без всяких оговорок).

В другом решении признана неконституционной ч. 5 ст. 325 УПК РСФСР, которая не предусматривала для осужденного права на обжалование в кассационном порядке приговора Верховного Суда РФ²¹. Позднее Конституционный Суд РФ также признал неконституционными положения ст. 335 УПК РСФСР в части, позволявшей суду кассационной инстанции рассматривать дела

без участия осужденного, не предоставив ему возможности ознакомиться с материалами судебного заседания и изложить свою позицию по рассмотренным судом вопросам²².

Неоднократно Конституционный Суд РФ вставал и на защиту прав потерпевшего. В постановлении от 15 января 1999 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 УПК РСФСР Суд признал неконституционными законоположения, на основании которых потерпевший по уголовному делу не допускался к участию в судебных прениях²³. В этом постановлении анализируются и сопоставляются положения ст. 295 УПК РСФСР с другими нормами данного Кодекса, международными актами, а также ст. 52 Конституции РФ, по смыслу которой права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом; государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. В постановлении подчеркнуто, что осужденный, если он изъявляет желание участвовать в судебном заседании, не может быть лишен возможности заявлять отводы и ходатайства, знакомиться с позициями выступавших участников судебного заседания и дополнительными материалами, если таковые представлены, давать объяснения, в том числе в связи с заключением прокурора. Это — необходимые гарантии судебной защиты и справедливого разбирательства дела на стадии кассационного производства.

Данная правовая позиция была распространена и на положения ч. 3 ст. 377 УПК РСФСР. Постановлени-

²⁰ Вестник КС РФ. 1996. № 2.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июля 1998 г. № 21-П по делу о проверке конституционности части пятой статьи 325 УПК РСФСР // Вестник КС РФ. 1998. № 6.

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 1998 г. № 27-П по делу о проверке конституционности части второй статьи 335 УПК РСФСР // Вестник КС РФ. 1999. № 2.

²³ Вестник КС РФ. 1999. № 2.

ем от 14 февраля 2000 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 УПК РСФСР Суд признал положения ч. 3 ст. 377 УПК РСФСР не соответствующими ст. 19 (ч. 1), 46 (ч. 1) и 123 (ч. 3) Конституции РФ в той мере, в какой они позволяют суду надзорной инстанции рассмотреть дело без озанкования осужденного, оправданного, их защитников с протестом, в котором поставлен вопрос об отмене вступившего в законную силу судебного решения по основаниям, влекущим ухудшение положения указанных лиц, равно как и потерпевших²⁴. Благодаря данной правовой позиции за потерпевшим признано право довести до суда свою позицию относительно доводов протеста.

Обозначенные правовые позиции были в основном учтены законодателем. Однако и в дальнейшем многие вопросы, касающиеся статуса и прав потерпевших, вновь стали предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, что лишний раз свидетельствует о декларативности п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ и существенном дисбалансе процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого. Так, в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ было подтверждено право потерпевшего обжаловать в кассационном порядке решение суда, связанное с отказом государственного обвинителя от обвинения, что согласуется с другими нормами данного Кодекса, предусматривающими возможность обжалования не вступивших в силу судебных решений²⁵.

В постановлении от 24 апреля 2003 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положения пунк-

та 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» отмечено, что ни объем, ни степень гарантированности потерпевшим конституционного права на судебную защиту не могут зависеть от того, было ли государством осуществлено полностью уголовное преследование или же оно завершилось изданием акта амнистии. Неучастие потерпевшего в определении решения суда о применении акта амнистии не дает оснований для отстранения его от решения иных вопросов по уголовному делу²⁶.

В постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П Суд признал, что возможность заявлять ходатайства об устранении в предшествующем разбирательстве существенных нарушений, ведущих к неправильному рассмотрению дела, не может быть реализована без предоставления возможности обжалований судебных решений, ухудшающих положение осужденного (оправданного)²⁷.

Наконец, безусловно важным шагом в деле защиты прав пострадавших от преступных деяний явилось постановление от 27 июня 2005 г. № 7-П, в котором были признаны неконституционными положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, позволявшие правоохранительным органам не в полном объеме реагировать на заявления граждан по некоторым составам преступлений (ст. 115, 116 УК РФ), производство по которым осуществляется в порядке частного обвинения²⁸. Такие нормы, как спра-

²⁶ Зорькин В. Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 33—35.

²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П по делу о проверке конституционности статьи 405 УПК РФ // Вестник КС РФ. 2005. № 4.

²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П по делу о про-

²⁴ Вестник КС РФ. 2000. № 3.

²⁵ Вестник КС РФ. 2004. № 1.

ведливо отмечает В. Д. Зорькин, приводили к фактической безнаказанности множества хулиганов и членов организованных преступных групп, что влекло рост преступности против жизни и здоровья личности²⁹. И действительно, Конституционный Суд РФ устранил одно из условий безнаказанного совершения таких преступлений или, как минимум, способствовал сокращению их числа.

Стремясь к обеспечению конституционного права граждан на судебную защиту своих прав, нарушенных преступлением, а также к обеспечению интересов общества и государства, Суд своим постановлением от 11 мая 2005 г. № 5-П признал неконституционной ст. 405 УПК РФ в той ее части, в которой она не допускает поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, не позволяя тем самым устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные нарушения, повлиявшие на исход дела. В данном случае Конституционный Суд РФ, подменив законодателя, фактически создал новую уголовно-процессуальную норму, постановив, что впредь до внесения соответствующих изменений в законодательство пересмотр обвинительного приговора в порядке надзора по жалобе потерпевшего или представлению прокурора в связи с необходимостью применить уголовный закон о более тяжком преступлении ввиду мягкости назначенного наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденно-

го, а также пересмотр оправдательного приговора либо постановления или определения о прекращении уголовного дела *допускается лишь в течение года после вступления его в законную силу*.

Буквально недавно Конституционный Суд РФ установил, что приговоры по уголовным делам, вступившим в законную силу, смогут пересматриваться судами в сторону ужесточения: в постановлении от 16 мая 2007 г. № 6-П по делу о проверке конституционности статей 237, 413 и 418 УПК РФ положения ст. 413, 418 УПК РФ признаны неконституционными в той части, в какой они позволяют отказывать в возобновлении производства по уголовному делу и пересмотре принятых по нему решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств при возникновении новых фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления³⁰. Тем самым Суд окончательно поставил точку в таком длительном споре.

Иногда Конституционному Суду РФ приходится дублировать и подтверждать сформулированные позиции, например, в Определении от 9 июня 2004 г. № 223-О Суд подчеркнул, что положения ч. 7 ст. 236 УПК РФ, исключающие обжалование принятого по результатам предварительного слушания судебного решения о направлении уголовного дела по подсудности, не подлежат применению судами как признанные неконституционными.

Длительное время как в научной литературе, так и в правоприменительной практике дискуссионным остается вопрос о том, соответствует ли порядок прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования принципам осуществления право-

верке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 УПК РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

²⁹ Зорькин В. Д. Указ. соч. С. 35.

³⁰ Вестник КС РФ. 2007, № 3.

судия только судом и презумпции невиновности.

Согласно Положению о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений³¹ как совершившие преступления учитываются не только лица, в отношении которых прокурором утверждено обвинительное заключение (но еще не вынесен приговор), но и лица, в отношении которых уголовное дело (уголовное преследование) прекращено или в возбуждении уголовного дела отказано (!) по нереабилитирующим основаниям (п. 3 и 4 ч. 1 ст. 24, п. 3 ч. 1 ст. 27, ст. 25, 28 и 427 УПК РФ), а совершенные этими лицами преступления, соответственно, считаются раскрытыми. Фактически ставятся на учет в качестве преступников лица, в отношении которых только завершено предварительное расследование. Причем наличие в оперативно-справочных учетах отметки о том, что гражданин привлекался к уголовной ответственности, однако был от нее освобожден по нереабилитирующим основаниям, может стать хотя и неофициальным, но вполне реальным препятствием при осуществлении некоторых прав, в частности, при поступлении на государственную службу в правоохранительные и контролирурующие органы. Кроме того, освобождение от уголовной ответственности лица, виновность которого в преступлении констатирована в постановлении о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), вовсе не означает освобождение его от обязанности возместить вред, причиненный в результате этого преступления, в порядке, ус-

тановленном гражданским законодательством, а орган, прекративший производство по уголовному делу, обязан в подобной ситуации разъяснить потерпевшему (гражданскому истцу) право обратиться в суд с иском (ч. 4 ст. 213 УПК РФ). Таким образом, лица, в отношении которых уголовные дела прекращены по нереабилитирующим основаниям, вполне официально считаются совершившими преступления. Представляется, что это противоречит ст. 49 и 118 Конституции РФ и ст. 8 и 14 УПК РФ, из содержания которых следует, что гражданин не должен считаться виновным в совершении преступления, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Последовательную правовую позицию по этому вопросу занимал комитет Конституционного надзора СССР, который в своих заключениях неоднократно указывал на несоответствие Конституции и нормам международного права положений законов и подзаконных нормативных актов, позволяющих органам расследования констатировать виновность лица в совершении преступления без рассмотрения дела в суде и вынесения приговора. К сожалению, данная правовая позиция впоследствии не нашла поддержки у разработчиков ныне действующего УПК РФ, несмотря на то, что Конституция РФ содержит идентичную союзной Конституции норму о презумпции невиновности. В новый российский УПК ранее существовавший в УПК РСФСР порядок прекращения уголовного дела органами предварительного расследования переключал практически в том же виде. Тем не менее, при наличии все той же неразрешенной коллизии, Конституционный Суд РФ сформулировал прямо противоположную мнению переставшего существовать союзного органа конституционного надзора право-

³¹ О едином учете преступлений см.: приказ Генпрокуратуры РФ № 39, МВД РФ № 1070, МЧС РФ № 1021, Минюста РФ № 253, ФСБ РФ № 780, Минэкономразвития РФ № 353, ФСКН РФ № 399 от 29 декабря 2005 г., Приложение № 2 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 5.

вую позицию (постановление от 28 октября 1996 г. № 18-П)³².

Это постановление по своему содержанию представляется довольно противоречивым и весьма невнятно аргументированным. Так, в его резолютивной части порядок прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию в стадии предварительного расследования признается соответствующим Конституции РФ, поскольку данное процессуальное решение «не означает установление виновности лица в совершении преступления, не препятствует осуществлению им права на судебную защиту и предполагает получение его согласия на прекращение уголовного дела по указанным основаниям». В то же время в описательно-мотивировочной части Суд признает, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию хотя и предполагает (в силу соответствующих норм уголовного закона) освобождение лица от уголовной ответственности и наказания, «но расценивается правоприменительной практикой как основанная на материалах расследования констатация того, что лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления, и поэтому решение о прекращении дела не влечет за собой реабилитации лица (признания его невиновным), то есть вопрос о его виновности остается открытым». С нашей точки зрения, данная правовая позиция представляется спорной, а вопрос конституционности порядка прекращения уголовного преследования в стадии предварительного расследования — до конца не разрешенным.

Еще одной, не до конца проработанной правовой позицией, является позиция по вопросу оснований возвращения судом уголовного дела

³² Постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П по делу о проверке конституционности статьи 6 УПК РСФСР // Вестник КС РФ. 1996. № 5.

прокурору. В постановлении от 4 марта 2003 г. № 2-П³³, проверяя конституционность п. 2 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР в части, допускавшей возвращение уголовного дела прокурору для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, если это не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, Конституционный Суд РФ дважды ссылается на свою правовую позицию, выраженную им в ранее вынесенных решениях. Первый раз Суд упоминает свою правовую позицию, согласно которой недопустимо направлять уголовное дело для дополнительного расследования в случае существенного нарушения уголовно-процессуального закона органами дознания или предварительного следствия, обосновывая это, в частности, необходимостью проведения дополнительных следственных действий, так как, по мнению Суда, это будет инициировать продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинения. Суд указывает, что принятие судом по собственной инициативе решения о возвращении дела для дополнительного расследования в таких случаях фактически приводит к осуществлению судом не свойственной ему обвинительной функции. Данная правовая позиция изложена в постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П³⁴.

Далее Суд ссылается на правовую позицию, сформулированную им в

³³ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 2003 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 УПК РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

³⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 УПК РФ // Вестник КС РФ. 1999. № 4.

постановлении от 13 июня 1996 г. № 14-П по делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 УПК РСФСР о том, что избыточное или не ограниченное по продолжительности применение мер, связанных с ограничением прав на свободу и личную неприкосновенность, гарантированных ст. 22 (ч. 1) Конституции РФ и п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, недопустимо³⁵. Эти две правовые позиции имеют достаточно большое влияние на правоприменительную практику.

Как известно, при принятии нового Уголовно-процессуального кодекса РФ законодатель не внял правовой позиции Конституционный Суд РФ, допускающей возможность направления уголовного дела для производства дополнительного расследования в случае, если выявлены существенные нарушения закона.

В статье 237 УПК РФ предусмотрен исчерпывающий перечень оснований возвращения уголовного дела судом прокурору для устранения препятствий рассмотрения дела судом. Само понятие возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования в УПК РФ отсутствует. Более того, в соответствии с ныне признанной неконституционной ч. 4 ст. 237 УПК РФ производство каких-либо следственных или иных процессуальных действий, не предусмотренных данной статьей, по уголовному делу, возвращенному прокурором, не допускалось. Это лишало возможности правоприменителя устранить процессуальные нарушения, допущенные в ходе предварительного следствия.

В постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П Конституционный Суд РФ признал, что положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ по своему конституционно-правовому смыслу не

исключают правомочия суда по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвратить дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом во всех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном производстве, если возвращение дела не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия³⁶. Вместе с тем Суд указал, что ч. 4 ст. 237 УПК РФ не соответствует Конституции РФ, так как исправление существенных нарушений закона невозможно без производства следственных и процессуальных действий³⁷.

Однако необходимо заметить, что ч. 1 ст. 237 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень оснований возвращения уголовного дела судом прокурору, и среди них отсутствует такое основание для возвращения дела прокурору, как допущенные в досудебном производстве существенные нарушения закона, не устранимые в судебном производстве, если возвращение дела не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия. Тогда неясно, почему Суд посчитал, что положения данной статьи не противоречат его ранее высказанной правовой позиции относительно возвращения судом уголовных дел для дополнительного расследования.

Анализ данной ситуации приводит к выводу, что Конституционный Суд РФ своим постановлением от 8 декабря 2003 г. № 18-П, по существу, не истолковал закон, а создал новую норму права, поскольку фактически сформулировал дополнительный, шестой, пункт ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Практически это может означать возвращение института доследования в уголовный

³⁵ Вестник КС РФ. 1996. № 4.

³⁶ Вестник КС РФ. 2004. № 1.

³⁷ Там же.

процесс России. Руководствуясь данной правовой позицией, любое нарушение, допущенное в досудебном производстве, суд может признать существенным и лишаящим его возможности рассмотрения дела по существу. Такая позиция может лишь повлечь за собой ограничения доступа граждан к правосудию, так как дело может возвращаться для производства дополнительного расследования неограниченное количество раз.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ о недопустимости избыточных сроков содержания обвиняемых под стражей также не нашла адекватного и однозначного отражения в законодательстве. Часть 7 ст. 109 действующего УПК РФ фактически допускает неограниченное продление срока содержания под стражей обвиняемого в период его ознакомления с материалами уголовного дела. В настоящее время многие уголовные дела о тяжких преступлениях, особенно совершенных организованной группой, насчитывают не один десяток томов, десятки часов аудио-, видеозаписей, сотни вещественных доказательств. Для ознакомления с таким объемом информации обвиняемым и их защитникам порой необходимо значительное время, зачастую более года. В таких условиях ни суд, ни органы расследования не могут на основании закона ограничить обвиняемых и их защитников в ознакомлении с материалами дела, так как при таком объеме уголовного дела не будет оснований уличать сторону защиты в умышленном затягивании ознакомления с материалами дела.

В Определении от 25 декабря 1998 г. № 167-О по делу о проверке конституционности частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 УПК РСФСР Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что утверждение заявителей о том, что действовавшая на тот момент редакция ст. 97 УПК РСФСР допускала нео-

граниченное по времени продление срока содержания обвиняемого под стражей, поскольку не исключала в случаях возвращения дела для дополнительного расследования возможность неоднократного продления этого срока на шесть месяцев в связи с необходимостью каждый раз знакомить обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, не вытекает ни из текста, ни из конституционного смысла оспариваемых норм. Суд посчитал, что закон не предусматривает возможности повторного, в том числе после дополнительного расследования, обращения прокурора в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей того же обвиняемого в период его ознакомления с полученными в результате дополнительного расследования материалами дела; «при отсутствии прямого указания в законе на возможность неоднократного продления предельного срока ареста по указанным мотивам иное истолкование оспариваемых положений нарушало бы запрет произвольного ареста в том его понимании, которое вытекает из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 года»³⁸.

Данная формулировка малопонятна и на данный момент выглядит, скорее, абсурдной, особенно с учетом позиции Суда относительно возвращения уголовного дела для устранения допущенных в досудебном производстве нарушений. Если данную правовую позицию применить на практике, то после выполнения дополнительных процессуальных действий уголовное дело вряд ли можно будет направить в суд с той же мерой пресечения, так как основания, по которым была применена мера пресечения в виде заключения под стражу, сохранятся, но будут исчерпаны возможности для продле-

³⁸ Вестник КС РФ. 1999. № 2.

ния ее срока. В результате обвиняемого придется освободить из-под стражи, после чего у него появится реальная возможность скрыться от следствия, оказать давление на свидетелей, воспрепятствовать установлению истины в ходе судебного следствия. Все это только повлечет нарушения прав и интересов потерпевших и всего общества.

Таким образом, законодательная регламентация уголовно-процессуальных отношений не является исчерпывающей, постоянно дополняется и корректируется решениями Конституционного Суда РФ, которые включаются в содержание отраслевых процессуальных норм, однако не всегда полностью и сво-

евременно. Поэтому необходимо, во-первых, Конституционному Суду РФ усилить прикладной и конкретизированный характер своих правовых позиций в сфере уголовного судопроизводства; во-вторых, обратить внимание законодателя на качественную и последовательную разработку отраслевых норм, учитывая как позиции Конституционного Суда РФ, так и сложившуюся правоприменительную практику; в-третьих, проработать механизм такой своевременной имплементации решений Конституционного Суда РФ в уголовное процессуальное законодательство, обеспечив полноценную реализацию принципов конституционной законности и единство правового пространства.

Гражданский ответчик в уголовном процессе

В. Н. Махов, Д. Б. Разумовский

Разрешение гражданского иска совместно с уголовным делом возможно лишь в случаях единства уголовной и имущественной ответственности. Из единства этих оснований вытекает и единство ответной стороны, т. е. лицо, причинившее преступлением материальный ущерб, несет, как правило, уголовную и имущественную ответственность. Однако в определенных, установленных законом случаях, материальная ответственность за при-

чиненный имущественный ущерб возлагается не на причинителя, а на других лиц. Поскольку предполагается, что возмещение ущерба, причиненного преступлением, будет иметь место, потерпевшему от преступления должно быть предоставлено право обратиться с требованием к тому, кто несет материальную ответственность в том или ином конкретном случае. Поэтому лицо, понесшее ущерб, вправе предъявить гражданский иск к обвиняемому или даже к лицам, несущим материальную ответственность за действия обвиняемого. Это право потерпевшего от преступления имеет для него существенное значение, поскольку в ряде случаев фактическая и юридическая возможность взыскания с самого обвиняемого — причинителя ущерба отсутствует, и фигура гражданско-

Махов Вадим Николаевич — профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук;

Разумовский Дмитрий Борисович — доцент кафедры уголовного права и процесса Российского государственного торгово-экономического университета, кандидат юридических наук.